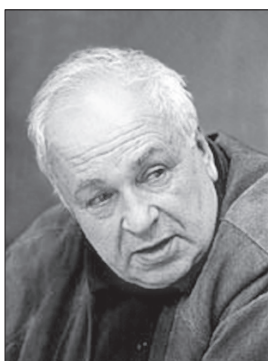

Б. Докторов

Жизнь в поисках “настоящей правды”

Заметки к биографии Ю.А. Левады

Благодарю многих коллег и друзей Ю.А. Левады, а также людей, не знавших его лично, за помощь в этой работе.

Жизнь состоялась

Как только российская социология начнет понимать себя и осознавать свою силу, она серьезно займется изучением наследия и биографий тех, кто ее создавал и возрождал, с чьей деятельностью связаны важней-

шие события в ее современной истории. Справедливо и обратное: без систематического исследования деятельности тех, кто в постхрущевские годы формировал теорию и методологию советской социологии, кто зафиксировал образ жизни, особенности массового сознания и характеристики многочисленных форм поведения населения СССР / России, отечественная социология не сможет по-настоящему понять и реально оценить себя.

Можно утверждать, что любой претендующий на полноту исторического, политического, социально-культурного анализа процессов, происходивших в СССР во второй половине прошло-

го века и в России в начале наступившего столетия, всегда в значительной степени будет базироваться на результатах исследований общественного мнения, проводившихся Юрием Александровичем Левадой (1930–2006). Вместе с тем очевидно, что стремление историков науки к познанию экологии среды, в которой проходило становление советской социологии, неминуемо подведет их к изучению его жизненного пути.

Важной особенностью творчества Левады, наиболее заметно проявляющейся в его статьях и выступлениях последних десяти лет жизни, является их латентная и нетривиальная автобиографичность. В них нет мемуарности, но в их предметной наполненности – анализе наблюдений за динамикой сознания россиян – присутствует и его гражданская позиция, и его “я”, то есть размышления о прожитых им годах. Суммируя все происходившее с “человеком советским” или в “человеке советском”, Левада одновременно пытался осмыслить свой жизненный путь. Потому аналитики, для которых главную ценность представляют социологические выводы Левады, неминуемо увидят в них Леваду – гражданина и личность, а историки социологии смогут по-

дойти к пониманию жизни и творчества Левады лишь в том случае, если осияет его научное наследие. Пока можно сказать лишь одно: его жизнь состоялась.

Когда Левада стал заниматься социологией, он считал, что следует поставить перед обществом зеркало, чтобы общество в это зеркало смотрелось. Всю жизнь он старался это делать, и очень многое ему удалось [Левада. 2004].

Из сказанного следуют два вывода. Первый – творчество Левады и его биография непременно будут предметом специальных историко-наукведческих исследований. Второй – сейчас почти невозможно обстоятельно писать о сделанном ученым. Необходима дистанция для обзора жизненного пути и творчества Левады, и нужно время для освобождения от ощущения его харизмы, некоторые грани которой обозначены сорок лет знавшим его Алексеем Левинсоном. Он говорит о “феномене L” [Левинсон. 2006].

Однако это не означает, что изучение наследия Левады должно быть отнесено в будущее; это было бы крайне нежелательно и для создания его творческой биографии, и для написания истории современной российской социологии. Время не имеет обратного хода, и потому то, что относительно легко сделать сейчас, через несколько лет может оказаться неосуществимым.

В конце прошлого года журнал “Социальная реальность” объявил о начале проекта “история с близкого расстояния”. Его цель заключается

шил, но чье наследие живо и останется значимым для будущих аналитиков общественного мнения. Уверен, что в этом “Зале славы” должно быть место и для портрета Юрия Александровича Левады.

Дважды шестидесятник

Для нескольких поколений российских социологов, аналитиков общественного мнения, исследователей культуры Юрий Александрович Левада был и остается эталоном с точки зрения поведения обществоведа в сложных политико-нравственных коллизиях. На его смерть отозвались виднейшие политики страны, ведущие исследователи российского общества, демократически ориентированные средства массовой информации России, ряд западных информационных каналов. Соболезнования прислали президент Владимир Путин, вице-премьер Дмитрий Медведев, а также первый президент Советского Союза Михаил Горбачев [Москва сегодня прощалась...].

Если кратко сформулировать причину подобного внимания к явно не публичной, не пафосной личности, к ученому, полтора десятилетия вынужденно молчавшему, то она проста: огромный дефицит людей, верящих в существование, говоря словами Левады, “настоящей правды”, постоянно ищущих эту правду и стремящихся ее говорить. Многим такая вера и такое поведение кажутся наивными, немодными, опасными и бесполезными. Однако в моменты просветления общественного и личностного сознания оказывается, что именно этого “устаревшего” товара всегда и всем недостает.

Леваду можно назвать “дважды шестидесятником”. В 1960-е, подобно многим интеллектуалам, он воспринял идеалы хрущевской “оттепели” и сделал их базой, гражданским императивом своих научных изысканий. В середине 1980-х он, поколебавшись – ведь мысль всегда пессимистична, – принял дух перестройки. В интервью, данном Левадой за два месяца до его смерти, он вспоминал: “Я помню, как обсуждали пришествие Горбачева. Я ему сначала не верил совершенно. Считал, что это очередной Черненко. Но потом исправился” [Вытеснение в мертвую память].

Когда Левада стал заниматься социологией, от считал, что следует поставить перед обществом зеркало, чтобы это общество в него смотрелось

в анализе личных судеб и творчества тех, кто во второй половине XX века и в первые годы наступившего столетия внес заметный вклад в изучение общественного мнения [Докторов. 2006]. Это будут “оперативные материалы”: очерки, воспоминания, фотографии, документы другого рода о людях, чей жизненный путь уже завер-

Обладая мужеством все додумывать до конца, он, скорее всего, никогда не считал, что “иного не дано”, но одновременно в течение последних двух десятилетий не допускал мысли о реставрации милой сегодня многим в России имперскости. Даже внутри социологического сообщества, в котором представители старших поколений обоснованно относят себя к шестидесятникам, не все сохранили политические ценности и интеллектуальные устремления того времени. Левада – сохранил. В печально-траурные дни профессор А.Г. Здравомыслов, знавший его четыре десятилетия, писал: “Я бы хотел подчеркнуть, что Юрий Александрович в годы перемен, произошедших в стране, не менял своих убеждений. Он оставался верным тем идеям, к которым пришел в молодости...” [Письмо Здравомыслова Докторову. 2006].

Молодой блестящий ученый

Юрий Левада был человеком закрытым: о себе говорить не любил, воспоминаний не публиковал, но все же из разрозненных публикаций и скупых в биографическом отношении воспоминаний его друзей и коллег вырисовывается общая траектория жизни ученого.

Родился он в Виннице; его мать была журналисткой, отец, Александр Степанович Косяк-Левада – известным украинским литератором; он участвовал в Великой Отечественной войне, а после войны работал в Министерстве кинематографии и в Министерстве культуры Украинской ССР. Им написаны сценарии к ряду игровых и документальных фильмов.

Бабушка Левады была полькой, принадлежащей к польско-литовскому графскому роду Сангелло. В доме говорили по-польски, была литература на польском языке. Позже Левада читал по-польски газеты, политическую и социологическую литературу, слушал на польском радио “Свобода”, которое не глушили.

Польская социология, по мнению Левады, имела огромное значение для развития социологии в СССР. Западной литературы в стране не было, а польскую, начиная с 1960-х, можно было купить. “Историю социологии, – говорил Левада осенью 2006 года, – кроме польских ис-

точников, брать было больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социоло-

Польская социология, по мнению Левады, имела огромное значение для развития социологии в СССР. Западной литературы в стране не было, а польскую, начиная с 1960-х, можно было купить

гии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу” [Вытеснение в мертвую память].

Украинский язык он всегда знал, интересовался Украиной и часто там бывал. По воспоминаниям украинского социолога Владимира Паниотто, в 2004 году Левада участвовал в проведении экзит-поллов, а на пресс-конференции по их результатам неожиданно для всех присутствовавших заговорил на украинском [Письмо Паниотто Докторову. 2006]. Возможно, еще в юности он начал изучать и другие языки, во всяком случае в зрелые годы он читал социологическую литературу и говорил на ряде европейских языков.

О детстве Левады известно очень мало, потому приведу кажущийся мне интересным факт. В годы войны – значит, ему было не меньше десяти лет, – Левада жил с семьей в Тюмени (в 2001 году я рассказал ему о конференции в Тюмени, и он заметил, что если бы знал о ней раньше, может быть, и поехал бы – не был в том городе после эвакуации). И вспомнил, как однажды его мать пришла домой и сказала тихо: “Юра, к нам в город приехал Ленин”. Прежде всего он подумал о “живом Ленине”. Вообще в те годы очень немногие знали, что тело Ильича находилось в Тюмени.

Интерес к философии у Левады появился в старших классах школы: начал читать – и понравилось. У деда со стороны матери – профессора медицины и фармакологии – книжные полки занимали все стены. Была лесенка, на которой

было уютно сидеть и углубляться в философские дебри. В 1947 году, с наивной надеждой, что существует место, где должны говорить “настоящую правду” [Левада. 1999], Левада поступил на философский факультет Московского университета. В начале 2000-х годов, вспоминая факультет, он говорил: “Мне казалось, что там научат думать... хотя на самом деле отучали, но я этого не знал”. Со студенческим окружением ему повезло: “В те годы через факультет проходил «сильный пучок» интересных людей – ни раньше, ни позже, кажется, такого «парада планет» не было” [Нарышкина]. В цитируемой выше статье А. Левинсон отмечает феноменальность студенческой когорты тех лет [Левинсон. 2006]. Одновременно с Левадой, чуть раньше или позже, учились Борис Грушин, Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Эрик Юдин, Георгий Щедровицкий. На одном курсе с Левадой училась и Раиса Титаренко, будущая жена Михаила Горбачева. Горбачев пишет в своих воспоминаниях: “...Все чаще стал я посещать комнату общежития, где жила Рая, познакомился и с ее подругами и их друзьями – Мерабом Мамардашвили и Юрием Левадой (первый позднее стал известным философом, второй – столь же известным социологом). Собеседники они были интересные...” [Горбачев. 1995. С. 69].

Вспоминая студенческие годы, Николай Иванович Лапин отмечает: “С Юрием Левадой, просто Юрой, я познакомился в 1949 году, когда поступил на философский факультет МГУ. Он был всего на год старше меня, но я изначально воспринимал его как человека, который сразу и точно осмысливал суть происходящего, особенно сложных событий. Обстоятельность и проницательность его ума, надежность его характера ощущались чисто физически” [Письмо Лапина Докторову. 2006].

Чистая философия Леваду тогда не интересовала, это пришло позже, его влекло к социально-политической проблематике, к вопросам социальных изменений. Социологии в те годы не обучали, он слышал о ней совсем немного, никакой специальной литературы у него не было.

Университет Левада окончил в 1952 году, в конце обучения его заинтересовал Китай. По его словам, он “наполовину выучил язык”, напи-

сал диплом, а в 1955 году – и кандидатскую диссертацию по китайской революции [Левада. 1955]. В том же году он начал работать в Институте китаеведения, поехал в Китай, где впервые занялся социологическими исследованиями. Массовые обследования ему проводить не позволили, но что-то все же сделать удалось. Потом отношения между СССР и Китаем изменились, и работа по изучению китайского общества стала невозможной.

В 1960 году Левада перешел в Институт философии АН СССР и начал заниматься социологией религии – темой, имеющей многовековые традиции в мировой культуре и обществоведении, но абсолютно новой для того времени в СССР. Уверен, при раскрытии этой темы Леваде приходилось сдерживать себя и при стремлении к высокого уровня философским обобщениям, и при спуске в глубины массового сознания. Исследования завершились книгой “Социальная природа религии” (1965 год), не потерявшей свое значение и в наше время. Им был сформулирован ряд общих подходов к социологическому исследованию культуры, показано, как обществом, человеком воспринимаются сложные явления окружающего мира, и описан механизм становления управляющей общественной системы. Думаю, что многое, о чем ему хотелось тогда сказать, в силу различных соображений высказано не было, но проросло позже в его других работах.

В 1966 году Левада становится одним из первых в стране докторов наук, работающих по социологической тематике, и создает научный коллектив, ведущий исследования по теории социологии. В том же году родился известный левадовский междисциплинарный семинар, на котором обсуждались новые для того времени походы к изучению всего множества форм социальных отношений. Тогда это был не “теневой” семинар, обычный – классическая форма академической работы.

За “не те” слова он был обречен на молчание

В 1968 году Левада участвует в создании Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). Через год он издает “Лекции по социо-

логии” [Левада. 1969]; два тома, каждый из которых был немногим более ста страниц. Это были материалы лекций, которые он четыре года читал в МГУ будущим журналистам.

Позже Левада называл свой курс примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было отчетливое стремление автора показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества. Последующие события, которые теперь являются далекой историей, показали, что ни эти утверждения Левады, ни ряд методических недочетов, ни несколько двусмысленных фраз не могли бы сами по себе стать предметом резкого осуждения “Лекций” и расправы с их автором. Просто время не стояло на месте, идеологи старой закалки, вынужденные в период “оттепели” припудрить свои идеологические воззрения и приглушить карьерные амбиции, больше не могли и не хотели ждать.

Фраза о том, что личность в обществе подвергается разного рода давлению со стороны власти и массового общества и что ее пытаются задавить танками, сказанная задолго до “Пражской весны” и пропущенная цензурой, в 1969 году была интерпретирована как осуждение ввода советских войск в Прагу. В сравнении почти тождественных высказываний Гитлера и Сталина о том, что человек – ничто, а массы – все, нашли идеологическую ошибку. Разразился скандал, поднялась волна злобной критики. Статьи в “Правде” и “Коммунисте”, главных печатных органах партии, обсуждения (осуждения) в партийных школах. Главная вина – отступление от марксизма, преклонение перед буржуазной социологией. Потом обсуждение в ИКСИ, уход из университета, выговор по партийной линии, запрет на публикации. Социологический фольклор конца 1960-х включал и такую частушку: “Ой, не надо, ой, не надо нам рубить-то сгоряча, не расстреляли бы Леваду да к столетию Ильича” [Интервью с Лисовским. 2000].

На время Леваду оставили в покое, но летом 1972 года к руководству ИКСИ пришел М.Н. Рут-

кевич. “Тогда, – вспоминал Левада, – он имел и славу, и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Стало ясно, что там тут не жить, надо уходить. Я знал о настроении, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думаю уйти. Он ответил, что уже договорился с Федосеевым о том, что я уйду. Сказал это с привычной ухмылкой, по-моему, с большим наслаждением” [Интервью с Левадой].

Поскольку в достаточно влиятельных партийных и научно-бюрократических кругах за Левадой закрепилась слава злодея, найти новое место работы ему было нелегко. В конце концов друзья помогли ему устроиться на скромную

Позже Левада называл свой курс “Лекций по социологии” примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было стремление показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества

должность старшего научного сотрудника в Центральном экономико-математическом институте АН СССР (ЦЭМИ). Первоначально с ним должны были перейти еще несколько человек, но в результате не дали даже ставки секретаря. Так, “сам по себе”, он работал 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития. У него не было аспирантов, его не публиковали, он не мог преподавать и выезжать за рубеж. Он был обречен молчать.

В дни, когда друзья и коллеги прощались с Левадой и я делал подборку материалов о нем [Человек, всю жизнь искавший “настоящую правду”. 2006], Владимир Шляпентох писал: “Для меня главное, что сделал Юрий Левада в своей жизни, – это мужественное противостояние давлению тоталитарного государства в 1970-е годы, которое с большой вероятностью могло обер-

нуться арестом. Он тогда не дрогнул и стал, по сути, единственным диссидентом среди социологов первой волны” [Письмо Шляпентоха Докторову. 2006].

В разные времена судьбы огромного числа людей были сломлены советской властью, но в ряде случаев ее давление на тех, кто высоко ценил свою правоту, был глубоко предан своим убеждениям и верил в правоту своего видения мира, приводило к обратным результатам. ГУЛАГ сделал Солженицына, заключение выковало Бродского, “психушка” обострила художественное видение Шемякина, высылка из страны Ростроповича привела к тому, что он стал мировой знаменитостью. Их таланты раскрылись в вынужденной эмиграции; обстоятельства дали им почувствовать настоящую свободу в творчестве.

Возможно, власть надеялась на то, что Левада сломается, уйдет во внутреннюю эмиграцию или покинет страну, – он же создал свое сообщество, в котором мог чувствовать себя в достаточной мере интеллектуально свободным. Речь идет о том, что все эти годы работал левадовский семинар. Каждые две недели собирались люди: иногда – лишь постоянные участники, и потому хватало небольшой комнаты, иногда – несколько сот человек. Официальная философия, социология были узкими, скованными, потому существовал интерес к нормальным, неидеологизированным исследованиям, ощущалась необходимость изучения реального человеческого поведения. Случалось, что вокруг семинара возникали скандалы, приходилось менять место.

Власть надеялась на то, что Левада сломается, уйдет во внутреннюю эмиграцию или покинет страну, он же создал свое сообщество, в котором мог чувствовать себя в достаточной мере интеллектуально свободным

Деятельность семинара и его руководителя интересовала и КГБ, но, скорее всего, органы понимали, что лучше не загонять обсуждение общесоциологических проблем в подполье.

Очень яркий факт, говорящий о гражданском, личном мужестве Левады, приводит в своем эссе Владимир Шляпентох – он вспоминает время, непосредственно предшествовавшее его эмиграции в Америку: “Левада, вообще очень сдержанный и даже суховатый человек, не был моим другом, только добрым коллегой. Так вот, как только стало ясно, что я оказался в числе «неприкасаемых», он стал бывать в моем доме почти ежедневно, полностью игнорируя тот факт, что все его посетители – таково было тогда всеобщее мнение – регистрируются соответствующими службами. Когда у меня возникали неприязности, я ждал его прихода с нетерпением для совета и успокоения” [Шляпентох. 2007].

“Не припомню, когда бы я говорил, писал или заявлял то, чего я не думал...”

В конце марта этого года бывший ленинградец, профессор Дмитрий Шалин, давно преподающий социологию в Университете Невады в Лас-Вегасе, восстановил и перенес на бумагу диктофонную запись своей продолжительной беседы с Юрием Левадой, состоявшейся в феврале 1990 года [Интервью с Левадой]. С любезного разрешения Д. Шалина привожу несколько разрозненных фрагментов (в тексте интервью они расположены не подряд) из воспоминаний Юрия Александровича об описанных выше событиях.

Д.Ш.: Как Вам казалось, в 60–70-е годы, особенно когда Вы были официально в опале, была у Вас возможность говорить то, что Вы думаете?

Ю.Л.: Возможно, я Вас в чем-то разочарую, но я могу сказать только то, что могу сказать. Никаких особенных внутренних переживаний я не испытывал. Внешнюю канву этих событий Вы знаете. В 69–70-м была попытка расправиться с социологией. Предлогом была моя книжка, я думаю, только предлогом.

Д.Ш.: Встречались Вы на дому? (Речь идет о семинаре. – Б.Д.)

Ю.Л.: Мы встречались обычно либо там, где я работал, либо еще на какой-нибудь другой почве. В основном там, где я работал, там у нас и проходил семинар. У нас помещения долго не было... Несколько раз его пытались запретить, мы

меняли название, меняли крышу и продолжали жить практически непрерывно.

Д.Ш.: Я вот слушаю Вас, и мне кажется, что Вы можете сказать или кто-то мог о Вас сказать, что Вы жили не по лжи. Вы по существу как думали, так и говорили. Я немножко утрирую, но...

Ю.Л.: Думаю, что да. Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю...

Д.Ш.: Хотя и молчали по поводу определенных вещей.

Ю.Л.: Во-первых, я просто не участвовал в социологических прочих вещах. Во-вторых, в это время развернулась политическая жизнь на уровне диссидентства.

Д.Ш.: Вы, кстати, не считали себя диссидентом?

Ю.Л.: Нет. Я знал людей многих, которые с этим были связаны, в какой-то мере помогал. Никаких ни угрызений, ни опасений по этому поводу не было, но специального участия в работе я не принимал.

Д.Ш.: А был когда-то момент сомнения, что, может быть, пора уезжать?

Ю.Л.: У меня не было ни разу.

Д.Ш.: А Вы можете себе представить такие условия в Советском Союзе – тогда, сейчас, в будущем, – когда Вы бы всерьез задумались, что, может быть...

Ю.Л.: Сказать, что мне нужно было бежать от преследования, я не имел права. Сказать, что я чувствую интерес к лучшей жизни, я никак не мог, она меня не интересовала и не интересует сейчас.

Д.Ш.: Было такое ощущение, что когда Вы пишете, Вы что-то недосказываете или выбираете тематику...

Ю.Л.: Конечно, в какие-то времена кое-что недосказывал. У меня вчера был разговор с нашим Эрихом Гольдхагеном (Erich Goldhagen, профессор-историк, многие годы работал в Center for Russian Studies в Гарвардском университете. – Б.Д.), которому я сказал... я увидел, что он пишет о фашизме, интересуется им, и я ему сказал, что я когда-то очень занимался этим делом и написал одну статью, в энциклопедии она философской [Левада. 1993]. Она довольно боль-

шая, и в свое время мне нравилась, а потом... Он меня спросил: "Это написано в духе времени?" Вопрос, на который довольно трудно ответить. Мне самому кажется, что вряд ли совсем в духе времени, хотя и неясно, что такое дух времени. Вы знаете, что главой редакции Философской энциклопедии был академик Константинов, который не все читал, но он меня знал хорошо и статью взял читать. На полях верстки он сделал надпись: "Это про них или про нас?"

Д.Ш.: Тут-то Вы и поняли, что написали нечто хорошее.

Ю.Л.: Нет, это я, простите, заранее знал, тут мне особенно не надо было на него опираться, мне единственное надо было, чтобы он не мешал. Тогда редактор, достаточно приличный и достаточно хитрый человек, в нескольких пунктах написал слово "буржуазный", то есть это не просто такая организация, а "буржуазная".

Востребован новым временем

В истории современного этапа российской социологии есть событие, которое большинству людей ни о чем не говорит, но при упоминании о котором у небольшой группы социологов первых поколений теплеют глаза. Речь идет о семинарах, или конференциях, в Кяярику (Kääriku) – небольшом эстонском городке вблизи Тарту. Там – корни наиболее значимых советских исследований в области прессы и телевидения, в тех дискуссиях происходило понимание важнейших методолого-методических проблем социологии и формировалась одна из наиболее продуктивных в отечественной социологии сетей межличностного общения. Организатором семинаров был Уло (Юло) Вооглайд (Ülo Vooglaid) – тогда аспирант Тартуского университета, теперь – известный социолог, политик и общественный деятель, а дух этих встреч во многом определялся выступлениями и общим отношением к жизни и социологии Владимира Ядова. Первая встреча проходила в 1966 году, вторая – в 1967-м и третья –

в 1968-м. Состоялась и четвертая, но ее материалы не опубликованы.

Через сорок лет после Кяярику-1 Ядов вспоминает: “Встречи в Кяярику – событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода «Западом». Языка московские на-

Дискуссии в Кяярику – корни наиболее значимых советских исследований в области прессы и телевидения, там обсуждались важнейшие методолого-методические проблемы социологии, формировалась одна из наиболее продуктивных в отечественной социологии сетей межличностного общения

чальники не понимали, и генсек эстонской компартии Иоханнес Кэбин точно играл роль «крыши». В Кяярику участники собраний чувствовали себя примерно как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали – как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. В собственно научном плане там блистали Юрий Лотман, узнадзевец Веннори Квачахия, Юрий Левада и многие другие выдающиеся интеллектуалы” [Ядов. 2005]. А вот слова Владимира Шляпентоха: “Эти семинары были праздником души и профессионализма” [Шляпентох. 2006].

Если судить по оглавлению сборника выступлений на первой конференции, то можно утверждать, что Левада был там ключевой фигурой. Он делал доклад о массовой культуре и различных видах массовой коммуникации, в котором, в частности, сказал: “...Смотреться в зеркало не вредно, и в такое зеркало, как общественное мнение, тоже иногда можно смотреть...” [Левада. 1967-а]. В свете того, что через два десятилетия стало главной темой исследований Левады, интересен один из фрагментов его ответа на замечание В.Б. Ольшанского относительно введенной докладчиком “тонирующей” функции массовой коммуникации. Ссылаясь на Руссо, Левада говорил о демократии как о сочетании компе-

тентных мнений людей [Левада. 1967-б]. Таким образом, вопросы феноменологии общественного мнения находились в поле зрения Левады уже в начале 1960-х годов, латентно эта проблематика присутствует и в его статьях 1970-х – начала 1980-х годов.

Из “заточения” в ЦЭМИ Леваду освободила перестройка. В 1988 году социолог и экономист, академик Татьяна Заславская и профессор Борис Грушин, “отец” опросов общественного мнения в СССР, приступили к созданию Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМа) и пригласили Леваду возглавить теоретический отдел. Получив от Грушина предложение перейти во ВЦИОМ, Левада согласился, выдвинув одно условие: вместе с “командой”. Условие было принято, и сильная группа социологов-культурологов, прошедшая через семинар, приступила к новой работе.

Расцветала гласность, вскоре была отменена цензура, население втягивалось в обсуждение всего происходившего в стране, людей можно было спрашивать о многом. Символично, что первая книга, выпущенная в 1990 году Левадой и его коллегами, бывшими “семинаристами”, называлась “Есть мнение!” [Есть мнение! 1990]. Это не был ответ на самый сложный теоретический вопрос о том, что такое общественное мнение, но нечто созвучное восклицанию “Эврика!”, передающему одновременно и удивление, вызванное обнаружением нового, и радость первооткрывателей. Действительно, в те годы значительные группы населения страны были активно вовлечены в перестроечные преобразования; одни – принимали их, другие – отвергали, но в любом случае они реагировали на происходящее.

В 1992 году сотрудники ВЦИОМа выбрали Леваду директором, тогда ему пришлось заниматься не только теоретическими проблемами изучения общественного мнения, но определять стратегию деятельности института и решать множество рутинных вопросов. С момента рождения ВЦИОМ был ведущей в СССР, затем – в России организацией по изучению мнений населения, его результаты постоянно публиковались в наиболее известных средствах массовой информации, комментировались ведущими поли-

тологами и политиками. При этом нередко говорили не “как показали опросы ВЦИОМа”, а “по результатам опросов Юрия Левады”.

Одновременно с освещением отношения граждан к происходящим в стране событиям Левада постоянно вел углубленное исследование динамики сознания россиян. Мониторинг был задуман в 1989 году для отслеживания, как казалось, уходящей натуры – “человека советского”. Однако опрос 1994 года показал, что все происходившее в обществе не столько формировало “нового” человека, сколько обнаруживало, осваивало в нем ранее скрытое, латентное. Еще через пять лет оказалось, что большинство населения – консервативно, подвержено влиянию ностальгических и даже реставраторских настроений. Четвертое обследование (2003 год) проводилось в обстановке “авторитарной стабильности”. Подводя итоги мониторинга, Левада отмечал, что почти за два десятилетия с начала реформирования советского общества в стране не сформировалось демократической, гражданской общности. Реально человек остается “советским”, и это его качество подкрепляется государственными символами и официальным отношением властей к сталинским и брежневским временам [Левада. 2007].

Прошло свыше трех десятилетий после разгрома “Лекций” Левады, и вокруг ВЦИОМа начали развиваться события, напомнившие многим далекое прошлое. Созданный еще в “старое” время Центр и в начале нового века формально оставался государственной организацией, хотя свои финансовые проблемы решал самостоятельно, денег из бюджета ему не полагалось. В 2003 году власти под предлогом упорядочения хозяйственных вопросов решили изменить статус ВЦИОМа и снять его руководителя. И тогда, и сейчас выдвигались разные предположения, соображения о мотивах подобной деятельности властных структур; в частности, есть точка зрения, что, по оценкам ВЦИОМа, рейтинг президента имел иную динамику, чем в расчетах аналитиков других организаций. В то время я проводил специальные сравнительные исследования и ничего подобного не обнаруживал. Потому предположу, что реальная причина была в ином:

власть действовала на опережение. Смотри в будущее, она в принципе прогнозировала возникновение таких политических коллизий, в которых ей придется договариваться с Левадой о направленности тех или иных опросов, а, может быть, об интерпретации получаемых результатов. Одновременно она понимала невозможность успешности таких переговоров.

Завершилась эта эпопея тем, что Левадой и его сотрудниками была создана новая независимая организация “Аналитический центр Юрия Левады”. Туда перешли 82 человека из 82, работавших во ВЦИОМе. Работа не прекращалась ни на один день...

Наследие Левады: это надолго

Менее чем за месяц до смерти Левада следующим образом суммировал сделанное за годы изучения общественного мнения: “Мы стараемся делать, что мы можем делать, – профессионально. Говорить, что это получается у нас очень хорошо, я бы не стал. Получается что получается. Какое у нас общественное мнение, такая и жизнь. Говорят, что есть центры, которые стараются причесать это мнение под власть. Я вообще

Почти за два десятилетия с начала реформирования советского общества в стране не сформировалось демократической, гражданской общности. Реально человек остается “советским”, и это его качество подкрепляется государственными символами и официальным отношением властей к сталинским и брежневским временам

не понимаю, зачем это делать. Оно и так такое гладкое и причесанное... Мы ведем мониторинг постоянно, регулярно и независимо от ситуации. У нас ряды до 15 лет и больше. Такая наша жизнь со всеми ее увлечениями, разочарованиями, провалами. И в людях, и в политиках, и в зарубежных связях. Мы считаем своей спецификой не то, что мы ставим вопросы, а то, что мы стараемся

их понимать. Мы считаем себя обязанными понимать, почему люди говорят так, а не иначе” [Не стало Юрия Левады. 2006].

Юношеские мечты Левады о поиске настоящей, подлинной правды в зрелые годы трансформировались в глубокую исследовательскую установку – понимать социальный мир. Он в полной мере разделял Спинозовскую максиму: “Не радоваться, не горевать, а понимать...” [Левада. 1993. С. 18]. Эта мысль, внутренний императив отражены и в целях многолетней деятельности ученого, и в методах и результатах его работы.

В жизни-творчестве Левады я могу выделить три этапа (названия – метафорические): поиски собственной религии, период затворничества и годы миссионерства. Все периоды были в высшей степени продуктивными, а кумулятивный эффект – весьма значимым.

Защищая свои “Лекции по социологии”, Левада потому был бескомпромиссен, что не мог себе позволить отказаться от тех теоретико-методологических конструкций, которые он начал возводить. Он верил в них и не становился веротступником. Полтора десятилетия в ЦЭМИ – я не говорю о драматизме самого факта затворничества – превратили Леваду в одного из самых образованных советских социологов, позволили ему вести свободный внутренний диалог по принципам социальной философии и политики. Невозможность публиковаться обернулась для него возможностью сосредоточенно размышлять об основах социального знания, уст-

высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения.

Исторически сложилось так, что в Америке и Западной Европе изучение общественного мнения является научно-аналитическим видом деятельности, лежащим на пересечении социологии, социальной психологии, политологии и журналистики. И хотя уже в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов XX столетия изучением массовых установок занимались такие крупные ученые, как Гордон Олпорт, Пауль Лазарсфельд, Самуэль Стауффер, Стюарт Додд, а в настоящее время данные опросов, особенно длинные ряды, используются историками, социальными философами и культурологами, изучение общественного мнения во многих странах не относят к разделу академической науки. В СССР процесс становления исследований общественного мнения развивался иначе, центральные и локальные партийные организации привлекали к проведению опросов социологов, работавших в академических институтах, университетах, в научных и образовательных структурах КПСС.

Начинались опросы общественного мнения в СССР в 1960 году фактически по той же модели, что и в США, по заказу и при поддержке газеты; Б.А. Грушин проводил их для “Комсомольской правды”. Но потом он занимался ими как сотрудник институтов Академии наук. Первый всесоюзный репрезентативный опрос по месту жительства на основе территориальной выборки был проведен В.Э. Шляпентохом, когда он работал в Институте социологических исследований АН СССР. В Ленинградском отделении того же института проводил опросы работающего населения Б.М. Фирсов. В Академии общественных наук при ЦК КПСС региональными зондажами мнений занимались Ж.Т. Тощенко и несколько позже – М.К. Горшков. Значительное число всесоюзных и региональных опросов общественного мнения в 1970–1980-х годах было проведено Ф.Э. Шереги, возглавлявшим соответствующий отдел в Высшей школе при ЦК ВЛКСМ. К моменту создания ВЦИОМа в стране было защищено множество кандидатских и несколько доктор-

В жизни-творчестве Левады можно выделить три этапа (названия – метафорические): поиски собственной религии, период затворничества и годы миссионерства

ройстве общества и месте человека в обществе. В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в качестве миссионера – но в действительности он таковым был. Прежде всего это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. К его

ских диссертаций по проблематике исследований общественного мнения.

Творчество Левады – исследователя общественного мнения – продолжало и развивало традицию изучения общественного мнения академическими (университетскими) социологами. Но он привнес в эту область социальных исследований, в значительной степени пронизанную традициями и методами позитивизма, опыт и высокую культуру социального философа и феноменолога. Время, логика развития науки и ряд внешних обстоятельств организационного плана поставили перед ним задачу: в конце XX века объединить огромный опыт, накопленный за века в социальной философии и культурологии, с новейшими достижениями в области информатики и технологии опросов. Он принял этот вызов и ответил на него. Его наследие – уникально и бесценно. Это – крупномасштабная и многокрасочная картина трансформации общественного сознания россиян в один из драматических для России и мировой истории моментов: перехода страны от тоталитаризма к демократическим принципам общественного устройства. Его стиль анализа эмпирической информации – уникален, думаю, неповторим, как неповторим тот путь, которым он пришел к изучению общественного мнения.

Вот как характеризует ВЦИОМовский период работы Левады Игорь Кон, который знал его в течение ряда десятилетий: «Появление Левады во ВЦИОМе было неожиданным. По складу своего мышления и направленности интересов он был прежде всего теоретиком, и если бы кто-то до перестройки сказал, что ему предстоит руководить центром по изучению общественного мнения, он, вероятно, просто засмеялся бы. Но в эпоху быстрых социальных трансформаций классические социологические модели оказались неприменимыми... Сами по себе оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он раньше не занимался. Однако он пытался за текущей информацией политического характера нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориента-

ций «простого советского человека», и сделал это блестяще» [Кон. 2007].

Жизнь Левады сложилась так, что после книги о социальной природе религии им не было опубликовано монографий, однако ему принадлежит значительное число статей, большинство

Творчество Левады продолжало и развивало традицию изучения общественного мнения академическими социологами. Но он привнес в эту область исследований, в значительной степени пронизанную традициями и методами позитивизма, опыт и высокую культуру социального философа и феноменолога

из которых написаны уже после его перехода во ВЦИОМ. Малоизвестные читателям социологические работы периода десятилетнего молчания собраны в сборнике, увидевшем свет в 1993 году [Левада. 1993]. Через семь лет была опубликована коллекция статей ученого об общественном мнении [Левада. 2000]. В течение многих лет почти в каждом выпуске журнала «Мониторинг общественного мнения» (сейчас он выходит под названием «Вестник общественного мнения») публиковались статьи, написанные Левадой.

Проводя огромное число опросов (только за первое десятилетие работы ВЦИОМа их было свыше тысячи, опрошено более полутора миллионов человек [Левада. 2000. С. 572]), решая массу организационных проблем, с которыми сталкиваются полстеры, он всегда оставался... нет, был прежде всего социологом. Для него изучение общественного мнения являлось важнейшей частью исследования фундаментальных социальных процессов. Девизом левадовского ВЦИОМа и его наследника – Аналитического центра Юрия Левады – является краткая фраза: «От мнения к пониманию». Другими словами, от множества различных мнений – к настоящей правде.

Отсюда замаскированная легким стилем изложения глубокая теоретичность статей Левады; это нетрадиционное для многих аналитиков

общественного мнения описание распределений голосов участников опросов. В действительности Левада непрерывно дотраивал концепцию социокультурной системы и человека, которая начала у него формироваться при изучении социальной природы религии, развивалась им в серии ЦЭМИшных статей, была пунктирно намечена в небольшой коллективной книге о советском простом человеке [Советский простой человек. 1993] и затем проходила более чем десятилетнее испытание в “Мониторинге”. Человек “приспособленный”, или “адаптивный”, человек “недовольный” и позднее – “смирненно недовольный”, человек “лукавый”, человек “особенный”, человек “русский” – это все не просто эмпирически выявленные типы отношения значимых групп россиян к окружающему их миру, но каждый раз – проекция некоторого сложного, многомерного видения человека на определенную, заданную конкретными обстоятельствами (экономическими, политическими, социокультурными и проч.) плоскость. Человек един, правда, он – иногда быстро, иногда крайне медленно – меняется, но при разном освещении (его-то и устанавливал Левада со своими коллегами) он выглядит по-разному.

Теперь хотелось бы кратко остановиться на двух аспектах исследовательского подхода Левады, которые, на мой взгляд, не получили должного развития, и потому ряд переходов в движении “от мнения к пониманию” оказались

пользования в социологии математических [Левада. 1964] и кибернетических методов [Левада. 1965]. Эти же вопросы освещались им и в его “Лекциях”. Здесь же назову комментарий Левады к докладу Ядова на первой конференции в Кяэрику. Он касался проблем измеряемости и надежности [Левада. 1967-в].

В начале 1990-х мне приходилось многократно обсуждать с Левадой ход и итоги совместной работы ВЦИОМа и международного Исследовательского института социальных изменений (Research Institute for Social Change). Проект базировался на использовании математической процедуры шкалирования, с помощью которой создавалась “европейская социокультурная карта” и определялось место России в ряду двух десятков европейских государств [Докторов. 1994]. Я помню, что Левада принимал логику этого метода и видел его эффективность при решении нетривиальных типологических проблем. Этот же вывод подтверждается статьей Л.Б. Косовой, в которой излагается попытка использования многомерного факторного анализа в типологии “советского человека” [Косова. 1997].

Сложно сказать, почему ВЦИОМ (позже – “Левада-Центр”) не вел работ в области многомерной типологии, но эта ситуация поправима; сейчас крайне важным было бы построение пространственной (многофакторной) модели “левадовского человека”. Это валидизировало бы выводы Левады, обнаружившего с помощью простейших измерений столь сложную структуру сознания советского человека, и дало бы новый импульс для развития теоретической схемы Левады.

Не обладая полной коллекцией публикаций ВЦИОМа и Левада-Центра, я могу ошибаться, говоря о недостаточном внимании разработчиков проекта “Советский человек” к исследованию деятельности средств массовой информации. Пытаясь выявить главные моменты в трактовке Левадой и его коллегами процесса зарождения мнений и перехода “от мнения к пониманию”, я обнаруживаю, что распределение мнений в целом трактуется ими как функция двух переменных: макросоциальных изменений в обществе и изменений, происходящих внутри “советского

Человек един, правда, он – иногда быстро, иногда крайне медленно – меняется, но при разном освещении (его-то и устанавливал Левада со своими коллегами) он смотрится по-разному

недостаточно проясненными. Первый из них касается использования многомерных методов анализа данных опросов, второй – изучения роли средств массовой информации при формировании общественного мнения.

В середине 1960-х годов Левада одним из первых в СССР заговорил о важности ис-

человека” [Левада. 1997]. Такая схема была бы оправданной, если бы не ставилась задача понимания природы мнений, то есть выявления всей совокупности причин его динамичности (или статичности). Как отмечалось выше, еще в начале 1960-х Левада говорил о важнейших функциях массовой коммуникации и о демократии как проявлении компетентности общественного мнения, однако эта линия не была достаточно развернута в теоретических и прикладных исследованиях. Это тем более трудно понять, если учесть тот факт, что многие элементы модели взаимодействия средств массовой информации и общественного мнения были разработаны на рубеже 1960–1970-х Б.А. Грушиным в его “Таганрогском проекте” [Массовая информация... 1980].

Он уходил очень далеко от берега

Одна из ключевых, стержневых тем рассказа-притчи Хемингуэя о старике и море возникает в словах старика, обращенных к мальчику: “Твой не любит уходить слишком далеко от берега”. Речь идет о хозяине лодки, на которой работает мальчик. Сам старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою.

Любая притча с вечными героями – море и человек – имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик – это он. Море – это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы. Огромная рыба – это собирательный образ тех объектов, которые интересовали его как философа, социолога и полстера.

Зацепив огромную рыбину, старик думает: “Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом... И некому помочь ни ей, ни мне”. Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических проблемах, и он отчетливо понимал, что в поисках решений ему придется далеко уходить от берега и мелей туда, где он всегда будет один. Творчество

без одиночества невозможно. Но как старик, видя облака, море и стаю диких уток, понимал, что “человек в море никогда не бывает одинок”, так и Левада не чувствовал одиночества даже в долгие годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и непрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения со многими учеными прошлого, задумывавшимися о “природе вещей”, об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима [Левада. 1993. С. 177].

Иногда старика посещала мысль о том, что, может, не нужно было ему становиться рыбаком. Но при этом он знал, что для того он и родился, и был уверен, что где-то есть его большая рыба. Старик говорил себе: “Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к не-

Левада не прерывал своего общения со многими учеными прошлого, задумывавшимися о “природе вещей”. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима

муготов”. Думаю, что Левада исходил из того, что он родился, чтобы исследовать общество, человека, и он оказался готовым к тому, что пришло к нему в конце 1980-х: ВЦИОМу с его огромными возможностями для мониторинга крупных социальных трансформаций. Он всегда работал с интересом, со страстью [Дубин. 2007].

На прощании с Левадой профессор В.А. Ядов сказал: “Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: «Ты поедешь куда-нибудь отдохнуть?» Он отвечает: «Нет». Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен” [Демина. 2006]. Душа Левады всегда стремилась работать, он не мог лишить себя радости каждодневного познания нового, его погоня за “рыбой” не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом – со стаей акул, говорил себе: “Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру”. Он не смог довести выловленную рыбину до берега, но высшая правда была на его стороне: “Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя... – Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушел в море”.

* * *

Я познакомился с Юрием Александровичем Левадой в конце 1980-х, когда начал работать во ВЦИОМ. Подошел к нему и назвал: “Борис Докторов”. Он ответил: “Я знаю”, – и на этом вся церемония завершилась. Когда я уезжал в Америку, он сказал мне: “Будь мужественным, старик”, и в этом “старик” было и навсегда осталось что-то аксеновско-шестидесятилетнее.

Последний раз мы обстоятельно беседовали поздней весной 2004 года, он был гостем калифорнийского Стэнфордского университета, недалеко от которого я живу. Я приехал к нему в гостиницу, это были две небольшие комнаты с кухней; в таких “апартаментах” обычно селят приезжающую профессуру. Поговорили о целях его приезда, я рассказал немного о своих исследованиях по новым технологиям опросов общественного мнения. Как обычно, говорил Левада немного, но слушал внимательно. Дни стояли жаркие, и хотя утром было чуть прохладно, чувствовал он себя неважно, ему было трудно ходить. Я сказал, что запарковался в подземном гараже прямо у выхода из лифта и по его реакции понял, что это было удачное решение. Вся дорога от гостиницы до Центра по изучению России заняла не более четверти часа. Начался небольшой дождик, обещавший временное ослабление жары. Мы остановились там, где длинная и ши-

рокая аллея, усаженная пальмами и калифорнийскими тополями, упирается в огромное здание, выстроенное в староиспанском стиле. Перед ним – фонтаны, в просторном внутреннем дворе – копии фигур Родена. Дальше я ехать не мог, правила езды по территории университета очень строги. Леваде надо было пройти еще метров триста.

В моей памяти Левада навсегда остается человеком, идущим к другим с настоящей правдой о России. ■

Литература

Вытеснение в мертвую память. Памяти Юрия Левады: Интервью Татьяне Косиновой; <http://polit.ru/analytics/2006/11/17/levada.html>

Горбачев М. Жизнь и реформы: Кн. 1. М.: Новости, 1995.

Демина Н. Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006; <http://nataly-demina.livejournal.com/100213.html#cutid1>

Докторов Б. Выдающиеся поллстеры второй половины XX века. К открытию цикла // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 116–119.

Докторов Б. 3. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.

Дубин Б. В. Образ и образец: памяти Ю. А. Левады (1929-2006) // Социологический журнал. 2007. № 1. Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под ред. Ю. А. Левады. М.: Издательство “Прогресс”, 1990.

Интервью с проф. В. Т. Лисовским // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4. С. 7–25; <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/11/20/0000184127/002intervyu7-25.pdf>

Интервью с Ю. Левадой. “Я считал, что было бы естественно вести себя как-то иначе”; http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html

Кон И. Вспоминая о Леваде // Социологический журнал. 2007. № 4.

Косова Л. Б. “Человек советский” – возможность типологии // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2 (28). С. 17–21.